

Вероника Мелан

ТОЛЬКО
НА
ЛИТРЕС

ХВОСТ ГРЕРЫ

Помощь извне

2

Вероника Мелан
Хвост Греры 2
Серия «Город»
Серия «Хвост Греры», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69210106

Аннотация

Всего две недели прошло с тех пор, как Кейна Дельмар обрела мирную жизнь, любящего супруга и спокойные будни, наполненные привычными людям вещами – учебной, хобби, отдыхом. Каково же было ее удивление, когда одним осенним утром, накануне трагедии на станции метро Беркли, себя обнаруживает Грера. Оказывается, инопланетное существо заранее знало о том, что грядет вторжение, что материя на Уровне SE вскипит и что Лиаму Карре придется делать нелегкий выбор – доверять супруге или же исполнять должностные инструкции. Разве Комиссионер имеет право вести себя нелогично? Оказывается, вести себя нелогично и есть единственно верный выбор, когда на кону стоит судьба целого мира.

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Глава 1. Тест «положительный»	9
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4. Клетка	58
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Вероника Мелан

Хвост Греры 2

Помощь извне

От автора

Я не думала о том, что у «Хвоста» когда-либо появится вторая часть. Нет, я, конечно, оставила в конце первой «две дырочки», чтобы однажды можно было воткнуть туда провод и через розетку протянуть новый пласт данных ко второй части. Не думала, однако, что розетка пригодится. Но она пригодилась. Потому что, несмотря на то что я прерывалась на написание других книг, энергия Лиама – именно его как героя – меня не отпускала. Да, для кого-то он слишком жесткий, но для меня... Давайте я просто попробую передать свои ощущения от него, Кейны и Греры в новом романе. Не для того, чтобы кого-либо из них оправдать или раскрасить в ваших глазах, но для того, чтобы позволить вам окунуться в новый сет событий, произошедших позже. И для того, чтобы дать вам почувствовать это еще раз – непередаваемую тягучую энергию, которая меня за полтора года так и не отпустила. Это чего-то да стоит.

Пролог

(Power-Haus, Christian Reindl – To the Light)

Кейна

Муж-Комиссионер – это серьезно, это надолго. Это волнительно, трепетно, это страшно. Это человек, который видит тебя насквозь, который обеспечит тебе железобетонную защиту, который укроет от всего. И перед которым ты всегда будешь ощущать тотальную беспомощность. Он могуч, он негибает, он как сканер, как рентген, как ошейник и как кислород. Его можно обожать, им можно восхищаться, его можно бояться. Бояться той глубочайшей связи, образовавшейся после того, как он признал тебя «своей».

А связь образовалась.

Он показал мне ее однажды.

Я до сих пор помнила тот день очень хорошо.

Лиам сидел, вытянув ноги, в любимом кресле, читал. В том самом кресле, где так удобно, вытянувшись в полный рост, можно лежать вдвоем. Я приблизилась. Невероятно сильно хотелось коснуться ладонями его лица, заглянуть ему в глаза, поцеловать, вновь ощутить единение. Потому как, ощутив его однажды, ты без этого единения уже не можешь. Я устроилась поверх мощных ног, наши лица друг напротив друга – Карра отложил сводку новостей. Он уловил

мое желание близости. Наверняка он уловил его еще за сутки до появления в виде импульса в моем разуме, он это умел. Я наклонилась к нему ближе, я хотела коснуться своими губами его.

Он взял меня за волосы сзади. Взял с той долей жесткости, когда не больно, но на грани. И посмотрел мне в глаза.

Обычный человек ничего не может сделать взглядом. Этот мог. Под этим тягучим, очень глубоким, серьезным, жарким и прохладным взглядом я возбуждалась. Вдрагивала, пробовала вывернуться, задышала иначе. Лиам снова заполнял меня. Как когда-то, но иначе. Несмотря на то, что свое кольцо он надел мне на палец некоторое время назад, я всякий раз, приближаясь к нему, чувствовала себя, как в той комнате на СЕ. Как в первый раз. Он выдавал себя по куточку, никогда целиком, он позволял к себе приближаться, позволял мне сокращать дистанцию. Это всегда нервировало и всегда заставляло кровь кипеть.

Но тот его взгляд... он длился, он делался все жестче, все напористее. И меня «спекало». Какое-то время я даже пыталась бороться, после допустила, приняла, согласилась. Этот взгляд... Он раз за разом многократно ставил меня на колени внутри, он довел меня до иступления, до полного признания собственного поражения. Я никогда не сдавалась даже после побоев в клетке, даже перед Диасом, но в тот день сдалась, признала главенство Лиамом полностью.

И только после этого Карра меня очень мягко и очень

нежно поцеловал. Полностью распластанную им безо всякого вторжения. Вторжение случилось мгновением позже уже на физическом уровне – звякнула пряжка пояса, была растегнута ширинка. Когда ты повержен уже до толчков, тебе не требуется многого. Сокрушительный оргазм накрыл меня вместе со слезами, с рыданиями – дала сбой моя нервная система, истончилась, вылетела в трубу. Лиам же дышал ровно, он был доминантом без единого движения, не причиняя боли. Он получил то, что хотел получить, и в тот день впервые с глубинной любовью допустил меня к себе в душу, в самый ее центр. А также навсегда пророс в моей, в той ее части, куда я никого и никогда не собиралась допускать. Потому что, допуская туда кого-либо, ты теряешь себя.

Нет, он ничему не учил меня в тот день, не пытался ни «приручить», ни объяснить, кто в доме хозяин. Он просто показал глубину существующей между нами связи, и я ее запомнила. Намертво.

Будь на месте Карры обычный человеческий мужчина, такое «единение» повергло бы меня в ежеминутную панику, потому что у человеческих мужчин настроение может быть нестабильным, оно может меняться. Их личности неустойчивы. Лиам был устойчив, как отлитый из бетона постамент, и паника не накрывала. Все же присутствовало внутри понимание, что малейшая трещина между нами заставит натянуться межклеточные канаты, она превратит ивовый куст нервной системы в металлический клубок из колючей про-

волоки.

Но ведь бояться нечего, когда трещин нет.

Муж-Комиссионер – это тот, кто может наполнить твоё существование непередаваемыми ощущениями, красками, глубиной. Рядом с ним ты всегда «голый». Это нормально, когда нет тайн.

Но муж-Комиссионер – это приговор. Когда тайны есть.

А они у меня появились.

Глава 1. Тест «положительный»

«Я должна. Ему. О тебе сказать».

Солнечный день, погожий, мирный. Меня, сидящую на лавке со стаканчиком кофе в руке, подмораживало. Я зачем-то решила, что должна задать этот вопрос просто так, по случайности. Должна просто спросить: «Ты здесь?», – чтобы, конечно же, получить отрицательный ответ. Просто качнулась интуиция, из ниоткуда возникло знание, что вопрос этот задать надо: «Ты здесь?»

И не должен был шевельнуться на правой руке палец, я была уверена, что он этого не сделает.

Но он согнулся.

Здесь. Это был ответ.

Не мой.

Её.

Греры.

Мне вспомнилось ощущение, когда под ногами становится шаткой почва, когда нависает над головой гильотина.

«Здесь».

Мне не хватило их, спокойных дней. Минуло всего две недели с того момента, когда Лиам надел на мой палец свое кольцо, и я не «нажилась» в мирной атмосфере, я не надышалась ей.

«Здесь» – это карма. Штамп в паспорте: «Виновен». Это

новый поворот событий, даже дрифт с заносом, это...

Не может быть. Девять тридцать утра; кто-то спешит на работу, кто-то – в институт, кто-то прогуливается. Осенью отлично гуляется просто так, осенью всегда хорошее настроение, и хочется безбрежной ласковости внутри. У тех, кто проснулся этим утром, был мир. И он сохранился.

А для меня пропал.

«Она внутри». Почему? Как так вышло?

Все должно было быть иначе. Да, были, конечно, аномалии, но я воспринимала их «нормально». В тот злополучный день, когда я решила доставить Лиаму на СЕ пакет, когда он выбивал из меня некую инородную черную дрянь, внутри раскололась «колба» – я отлично помнила этот момент. Еще решила тогда, что некоторые недоступные обычным людям способности оставила мне в подарок Грера – желала защитить, желала отметить меня особым знаком. Благодаря ей я научилась кольцевать время. Да, не более минуты, но этого хватало, чтобы растягивать сутки до бесконечности, чтобы наслаждаться ими. Я балдела от этой способности, я хранила ее во внутренней шкатулке как драгоценность, я никогда не сообщала о ней Лиаму. Просто создавала «круг» в особенно прекрасных промежутках и находилась в нем – по пятнадцать минут, двадцать. Однажды уснула в петле, проснулась в ней же и ощутила себя так, будто съездила в отпуск.

Это нормально, полагала я, что Грера наградила меня чем-то, оставила свой след. Никто не должен был отобрать

у меня этот дар, я считала его личным знаком отличия, невидимой медалью. К тому же он помогал мне ощущать себя особенной тогда, когда я нырнула в будничную жизнь. А мне нужна была эта «особенность». Когда ты проходишь сквозь грозовой фронт, когда начинаешь иначе ценить жизнь, ты хочешь остаться для себя значимым и после того, как времена героизма прошли.

Спустя несколько дней я так же обнаружила, что могу непривычно хорошо фокусировать зрение на предметах – видеть очень близко, видеть очень далеко. Тоже «нормально», считала я. Еще один подарок. Их, эти подарки, я желала находить постоянно – изучать, развивать, радоваться им, черт возьми.

Больше не радовалась. Потому что только что поняла, что все это время не я умела колыцать время, пусть «петля» и подчинялась моим желаниям. Колыцать время умела Грера, которой не должно было во мне быть. И которая во мне была.

Глядя на мирно шагающих по парку людей, я ощущала, как в моих жилах стынет кровь. Я будто только что сделала тест и получила красный штамп: «Инфицирована».

«Заразна».

– Черт...

Выругалась вслух, зная, что ругаться нельзя. Эмоции проявлять нельзя, неадекватным быть нельзя. Они всегда следили за мной, возможно, перестали теперь. СЕ-шники. Но до

них, я совершенно была в этом уверена, наблюдал за мной время от времени через невидимые камеры Карра. Бдел. Защищал, проверял, все ли в порядке, любовался, не знаю... Он был рядом. И он увидит изменение в моем поведении.

«Ты понимаешь, – ругалась я мысленно, – понимаешь, что он убьет меня?»

Если узнает о тебе.

Тишина в ответ.

Ладно, не убьет. Миновали те времена, когда я была заключенной, теперь мы с Лиамом пара, мы обменялись не кольцами даже – сердцами.

Внутри моргнула черная перепонка века – теперь я хорошо чувствовала ее. Растущую, меняющуюся Греру. Она для чего-то вновь оставила во мне часть хвоста, который мутировал в полноценную могучую особь.

Боже, не было печали...

Главное – не сжать картонный стаканчик пальцами, как киборг банку из фольги. Не давить, не показывать, как напряжены пальцы. Отпить глоток – я должна выглядеть обычно. Черт, оказывается, я к этому привыкла – к способности «быть незаметной», к глазам-камерам снаружи. Длинный вдох, длинный выдох.

Мне потребовалось несколько долгих секунд, чтобы начать связно думать, чтобы охладить пытающийся разбушеваться внутри эмоциональный пожар.

«Ты та же самая?»

«Да», – согнулся палец на правой руке. Хорошо, значит, мы знаем друг друга, мы уже «работали» вместе. Вероятно, все Греры «те же самые», ведь они едины, они обладают слитым уникальным сознанием – я помнила это из «гнезда».

Жона. Но нужно сделать безмятежный вид. Расслабленно скрестить ноги, пить кофе, наслаждаться солнцем. Все в порядке, до начала занятия еще сорок минут, значит, в метро я должна спуститься через десять, и не опоздаю. Я до сих пор посещала курс по фотографии для того, чтобы просто «куда-то ходить», общаться, вливаться в нормальную жизнь. С различными лицами, диалогами, прогулками, попытками отыскать то, чем хотела бы заниматься после. И хорошо, что новость эта обрушилась на меня не дома, не напротив взгляда двуцветных глаз Комиссионера, а на улице.

Дьши, Кейна, думай. Ты умеешь.

Хорошо, попыталась мыслить я спокойно, она почему-то внутри. С этим так или иначе придется разобраться.

«Нам нужно поговорить».

«Да».

«Не здесь, не в парке».

Молчание я восприняла за согласие.

«Но как? Я не могу просто выпустить тебя наружу, чтобы ты взрезала ткань бытия и унесла нас за край Уровня. Они будут там с пушками через несколько минут... Это больше... так не работает...»

Я злилась. Конечно, я злилась.

«Как я буду скрывать свои эмоции от Лиама? Он насквозь видит, он фальшь чувствует за километр, ему невозможно соврать. Я должна ему о тебе сказать!»

«Нет».

Палец на левой руке согнулся так сильно, что ноготь проскреб по деревянной доске.

«Нет?»

«Нет».

«Он нам поможет, он...»

«Я покажу», – пока еще я плохо понимала мыслеобразы, созданные ей: для полноценного общения Хвост должен был развиться во взрослую особь, и пока этого, видимо, не случилось.

И она показала. Меня мысленно перенесло в будущее, в гостиную нашего особняка, и я увидела перед собой Лиама. Изменившегося лицом, изменившегося глазами. На шее вздуты от напряжения вены, комната укрыта голубой светящейся сетью-ловушкой. Ровный, не предвещающий ничего хорошего взгляд, кулаки сжаты; нехорошее электрическое гудение от сети...

«Он попытается... убить тебя?»

Большая вероятность – вот, что она отправила в ответ. Очень большая вероятность.

«Разделить. Расслоить».

Расслоить. Нас. Ясно.

«Зачем ты здесь?»

«Для чего оставила часть себя во мне?»

Я все еще не верила тому, что случилось этим утром. Завтракала напротив мужчины, которого обожала, собиралась завернуть после курсов на собеседование в контору по созданию широкопечатных полотен, накануне подумала, что есть у меня тяга к украшению интерьеров. Может, смогу приложить себя в создании фотокартин...

Дойду ли я теперь до той конторы? Что вообще теперь случится? Когда узнает Лиам, когда узнают другие?

Я, конечно, ненавидела рутину и обычность, но и попасть в жесточайший переплет сразу после первого во второй не мечтала. Выбора уже не было, и я почти жалела, что задала сегодня злополучный вопрос: «Ты здесь?».

«Зачем. Ты. Во мне?»

«Есть причина», – Грера выдала только этот короткий ответ.

Есть причина, значит. Хорошо, отлично, полный пиНоец. Мне нужно было торопиться на метро, встать с гребаной лавки, шагать, делать вид, что все обычно. Мне нужно было найти способ временно укрыться от всевидящих глаз Лиамы, нужно было сообразить, что делать дальше.

Кофе я допила, стаканчик выкинула в урну.

Поднялась бодро, легко (ведь все в порядке), зашагала к перекрестку. И неожиданно для себя ощутила где-то очень глубоко внутри себя скрытую радость. Будто одна из моих частей, сидящая в отдаленной комнате, специально не про-

тирает пыльное окно, чтобы я не увидела ее довольное лицо, ее сдержанный триумф – «Мы снова команда. Нас снова двое. Приключения!»

«Дура ты, – выругалась я мысленно, но радость эту если не разделила, то хотя бы поняла. – Эта команда означает войну. Что мы опять против всего мира».

Нужно позвонить Информаторам, достать голубые таблетки. Чтобы Лиам не заметил внутри меня страх... Вот только сам звонок он, конечно же, не пропустит, он начнет задавать вопросы.

Горе тебе, Кейна. Не жила спокойно – незачем и начинать.

* * *

Лиам

Он любил свой новый кабинет. Его простор, множество кнопок на приборных панелях, сенсоров, экранов. И вещающие из разных динамиков голоса:

– Двенадцатый квадрат стабилен...

– Во втором движение черных квантов – латаем...

– Обнаружен неизвестный ранее тип аномальных полей в зоне на дальнем стыке. Взяли образец, уже отправили в лабораторию.

СЕ работал в штатном режиме. Обычный день; его подчиненные справлялись. Оживали рации в разных уголках,

слышался шорох из динамиков. Система не выдавала существенных сбоев – он отладил её. Он хороший руководитель, отличный – Дрейк был прав. Карра наслаждался новой должностью, умением быть «головой», он ощущал себя комфортно.

Запросил на один из экранов образ Кейны – где она сейчас, чем занята? Он часто смотрел на нее. Главный монитор тут же выдал нужное изображение, в режиме реального времени передавало координаты надетое на её палец кольцо. Кейна сидела на лавочке в сквере, пила кофе. Она ежедневно заходила по пути в кофейню, брала стаканчик навынос. И это не зависело от того, угостилась ли она одной чашкой из-под кофемашины дома. Ритуал.

Он приблизил ее силуэт, отменно сработали встроенные в коммисионный код невидимые объективы.

Кейна...

Такая простая на вид, спокойная, безмятежная. Самая удивительная женщина из всех, кого он встречал. Его женщина. С тех пор, как она появилась в его жизни, стальной скелет Карры оброс мышцами, мягкими тканями; возникла между металлическими суставами соединительная ткань. Он стал целым. Еще более могучим, нежели когда-либо; не знал, даже не подозревал до того, каким цельномонолитным и «сухим» был до неё. Сотканным из бетонных блоков, но без прожилок воды, растений, органики, безо всех этих нужных для полноценного мира элементов. Каж-

дое утро, просыпаясь, он ощущал один на двоих бьющийся пульс – свой и её. Комиссионеры не умели отращивать крылья, но Лиаму казалось, он их отрастил.

Обычная девушка, сказал бы кто-то, глядя на картинку. Но он знал: не обычная. Она не сломалась когда-то, пуская его внутрь, она приняла его. Приняла добровольно, глубоко – он проверил это однажды, воочию увидел её готовность быть «его» и тот момент совершенно по-новому запустил свою работу мотор в его сердце. Бесконечно привлекательная для него, наркотически желанная.

И сейчас она хмурилась. Лиам мысленно дал команду приблизить ее лицо максимально, взгляделся в ее лицо. В морщину, залегшую на лбу, в напряженную линию губ.

«Что беспокоит тебя?» – он напрягся следом, подобрался изнутри, максимально сфокусировался. Кейна нервничала. Смотрела на свой стаканчик с кофе, но забыла про напиток; выражение глаз, сведенные брови – все выдавало в ней напряженную работу мысли. Некий диссонанс. Давно он не видел ее такой, в последние дни только расслабленной, текучей. Нет, конечно, было что-то несущественное, что она от него скрывала, – он не давил. Оставлял ей право быть собой, иметь нечто личное, хотя привык открывать в людях все без исключения «ящики». И именно потому, что умел отменно давить, с ней этого производить не хотел. Он любил, действительно любил ее глубоко и полностью, он её уважал. Никогда ни с кем не сдерживал себя, был тараном, был гусе-

ницами, дробящими асфальт, но с ней поступать себе привычно-агрессивно не позволял. Помнил о том, что она человек, помнил о том, что он СЕ-шник по крови.

Потому сейчас просто пытливо смотрел на экран, хотя внутри от одного лишь понимания о том, что Кейну что-то напрягает, ему хотелось размять мышцы. Дать зеленый свет зубодробильной машине, разmozжить головы тем, кто внес в её жизнь дискомфорт.

Он должен сдерживаться. Он должен.

Она человек, она эмоциональна. Она может волноваться перед собеседованием, может прокручивать диалоги с теми людьми, которые ей малосимпатичны. Возможно, такие есть на курсе. Возникни у неё проблемы, она сообщила бы ему о них, Карра был в этом уверен. Знала, что он тотально на её стороне, что в некоторых случаях для него не существует моральных принципов и преград. Знала о том, что он защитник. Важно было из защитника не перетечь в агрессора – за этим Лиам следил.

Кейна вела внутреннюю борьбу. То всплывала на поверхность из мыслей, видела мир вокруг, хотя хмуриться не переставала, то вновь ныряла в глубины тревожных размышлений. Он спросит ее вечером о них, он попытается помочь.

После стаканчик в урну. Она допила кофе, поднялась и зашагала к метро – тонкая, гибкая, одетая в короткую ветровку и темные джинсы. Осень еще нехолодная, но уже временами ветреная, строптивая.

Он следил за той, что носила его кольцо, не отрываясь, пока она шагала к метро. Увидел, как Кейна втекает в толпу, как спускается по лестнице, ведущей на станцию «Беркли», как закрывает ее фигуру парень в розовой рубахе с сумкой через плечо.

Лиам почему-то запомнил сумку. И розовую рубаху.

Еще несколько секунд взирал на экран, транслирующий спокойную улицу и толпу, шагающую по лестнице, – вверх с левой стороны, вниз с правой. После перевел монитор в режим обычного вывода данных.

С Кейной все в порядке. Он мог продолжать работать.

Глава 2

Кейна

(Shyloom feat. FJØRA – Take You Down)

Шагая к станции, я ощущала себя птицей, которую выкупали в пруду, а после выставили «сушиться» на ледяной сквозняк. Мои виртуальные перья топорщились в разные стороны, равно как и эмоции, как и мысли.

Какой наилучший сценарий? Какой? Мои слова Лиаму о Грере и его ответ: «Не переживай, любимая, мы все решим»? Хорошо бы, но этого не случится – Хвост показал мне наиболее вероятную реакцию Карры на правду. Какой наихудший сценарий? Тот, где Лиам предпочтет долг чувствам. Он, конечно, будет вынужден сообщить обо мне «наверх», и меня закроют внизу, на СЕ. Для разделения с Грерой или же для изучения, и исход один – будет много боли. Целый ряд процедур, призванных обезвредить «носителя». Больно, однако, в этот раз будет не только мне, но и Лиаму, вынужденному за процессом наблюдать. Или же его вести.

Нет, никакой правды. Пока нет.

Этим утром, по всей видимости, половина города спускалась в метро. Лучше бы я взяла такси – далеко, но цены не пугали. В моей сумочке до сих пор лежала серая кредитная карта, используя которую, я имела право длительное время перекладывать расходы на Комиссию. Таковым было их

«извинение». Но серой картой я почти не пользовалась: нет, не берегла её, просто имела совесть. Считала, что правильнее тратить деньги, которые заработал сам, и у меня их минимум имелся. К тому же среди людей я ощущала себя лучше, защищённее. Абсурдное чувство (как будто люди спасут от СЕ-шников, если те устроят облаву), но иногда абсурдное чувство лучше голого страха. К тому же за мной наблюдал Лиам, это я ощущала загривком.

От «Беркли» до «Рандабатта» – кольцевой, – после на синюю линию. В вагоне будет время подумать. На ступенях, ведущих вниз, я вспоминала, остались ли в кармане купленные жетоны. Их отыскалось три.

Поезд все не шел.

Не то завяз где-то на перегонах, не то машинист вышел «покурить». Нетипичная ситуация для расписания, где транспорт движется с точностью не до минут даже – до секунд. На подземный перрон прибывала толпа. Её становилось больше и больше, люди жались друг к другу все теснее, наступали на белую линию. Мне почему-то думалось о прибое. Так море выносит на берег мусор, и его становится все больше и больше. Его скопится очень много, если не чистить... Странно, я никогда не думала о людях в подобном ключе, не считала их мусором, но сравнение отражало действительность.

Толпа нервничала.

Ощущение тревоги нарастало и у меня. Зачем я поставила первый флаг перед спуском в метро, точку «А»? Началось кольцевания момента. Кольнуло что-то изнутри, сработала интуиция, и я почти уже привычно запустила «петлю». Я делала так иногда. Может, тренировалась, может, баловалась, и петли эти практически никогда не имели точки «Б», то есть завершались вхолостую и исчезали. Теперь казалось, что точку «А» я поставила отнюдь не случайно. И интуиций теперь во мне была не одна, а две.

Стало тесно. Кто-то нетерпеливо смотрел на часы, кто-то не отрывал взгляда от черного зева тоннеля, откуда давно следовало показаться огням. Довольно громко переговаривался молодняк – четыре парня и одна девчонка. Переступала с ноги на ногу старушка с вязаной сумкой, взирала, как и многие, на далекое отсюда, но хорошо различимое электронное табло. На котором вдруг погасли две цифры.

С этого момента все и началось. Странности. Местный апокалипсис.

Сначала раздался электрический гул внутри перегонного коридора, заискрило под часами. И почти сразу дрогнул пол. Где-то в туннеле грохнуло, будто там разорвалась мелкокалиберная бомба. И потекло по рельсам.

– Вода! – заорал кто-то истошно. – Станцию топит!

Треск электрических разрядов сделался непрерывным, едкой прослойкой вплелся в спертый воздух дым.

Для паники хватило секунды.

Это страшно, когда люди паникуют, это как раненый бизон. Он рвет и мечет, он затаптывает, заваливается на бок, он исходит пеной у рта. Толпа вела себя так же: сначала ринулись по направлению к выходу те, кто стоял ближе всего к началу тоннеля – они поняли, что на станции что-то не так, что дела плохи. Образовали толкотню, давку. А крики «Топит! На выход! Наружу!» довершили остальное. Образовался поток, откуда не вывернуться. Бабушку с сумкой толкнули в спину, она упала бы, если бы не схвативший ее под руку мужик.

Неожиданность, растерянность, чужая агрессия, чужой страх – все это временно лишило меня ориентации, способности думать. Меня сжало со всех сторон раньше, чем я успела что-либо предпринять. Понесло обратно к лестнице. Давили так, что было нечем дышать...

Если бы не хлынувший вдоль контактного рельса внушительный грязевой поток, возможно, все вышли бы наружу целыми и относительно невредимыми. Но замерцали потолочные лампы, вздрогнул во второй раз бетонный пол.

Всё.

Крики, бешеные выражения лиц, бег... Толчки друг друга, попытки перелезть через упавших – в этом тоннеле не хотел умирать никто. Меня не просто толкнули – меня ударили, отбросили так, что я отлетела бы, будь на платформе место. Его не было, толчка, однако, хватило, чтобы я запнулась и упала – кто-то наступил мне на руку. Боль в кисти прон-

зила мозг...

«Точка «Б», – напористо ударила в голову мысль Греры.
«Активируй кольцо».

Я, почти неспособная дышать от агонии – чья-то подошва сломала мне пальцы, через меня переступали ботинки, (пинки по ребрам, по бедрам), – едва сумела сосредоточиться. И с рыком поставила точку «Б», завершила круг. После чего выдала панически сильное намерение вернуться в «А». Панически сильное, потому что я в этот самый момент, как последнее ссыкло, боялась, что петля не сработает.

Но она сработала.

Я стояла перед спуском в метро и смотрела на руку – на свою целую руку. Сколько времени... На сколько времени мы «отмотались» назад? Ответ подсказала Грера: «На восемь минут». На восемь! Раньше у меня была в запасе одна, от силы две. Значит, она предполагала что-то наперед, значит, перехватила контроль еще на первой точке.

От входа в «Беркли» я, резко развернувшись, почти побежала. Только не вниз, только не опять. Добежала до фонарного столба у дороги, остановилась у него; по венам до сих пор текли паника, адреналин и пережитый ужас. С трудом получалось успокоить дыхание – там внизу сейчас... скоро... Я должна убраться отсюда, я должна взять такси...

«Или же попытаться предупредить народ о надвигающейся беде?»

Очень жестко смотрела изнутри Грера, очень категорично – я почувствовала ее «нет». Как ощутила и чужое знание о том, что подобные катастрофы сегодня по городу случаются не только здесь, но и где-то еще.

«Куда тогда? Куда?»

* * *

Уровень СЕ

Лиам

(Max Cameron, Hypersonic Music – Movimento)

Он как раз вошел в отсек предвыхода из бункера, чтобы облачиться в скафандр – его напрягло движение темных полей в восьмой зоне, полей, поглощающих неорганику, – когда раздался писк браслета. Сигнал оповещения о чрезвычайной ситуации на поверхности. Раньше Лиам пропустил бы его мимо ушей – «сверху» разбираются другие, там свои команды быстрого реагирования. Он взял бы бластер, который давно хотел проверить в действии, опустил бы стекло шлема, нажал бы кнопку герметизации. Комиссионеры – физически крепкие структуры, но и они подвержены вредоносным действиям излучений, даже при высоких способностях к регенерации риск ни к чему. Но в этот раз он замер, приказал таблице развернуться. Свернутой пока таблице, краткой.

И заиндевел от того, что прочитал.

«Нордейл. 14. Станция метро «Беркли» – затопление, разрушения, человеческие жертвы».

Карра сдернул скафандр, который не успел застегнуть, от резкого движения отвалилась фиксирующая пряжка на рукаве, надорвался замок – он не обратил на это никакого внимания.

«Беркли». Кейна вошла туда совсем недавно... Кейна...

Никакой связи с поверхностью здесь, в закрытом пространстве. В рацию он рявкнул напряженно, приказал помощникам обследовать опасную зону, сам, оставив спецодежду лежать на полу, двинулся к выходу.

По коридорам он бежал, цедил сквозь зубы проклятья. Здесь на каждой двери замок, требующий голосового ввода, совершающий слепок ауры, сканирующий сетчатку... Гребаная безопасность, чинящая теперь преграды. Бег с препятствиями. Отщелкнулся один массивный замок, второй, третий...

В собственный кабинет он ворвался, заранее озвучив мысленную команду вывести на экран мониторов последствия разрушения на Четырнадцатом. И ощутил бессильную, скрутившую нутро ярость, когда увидел искрящие провода, жижу на рельсах, поврежденные, раздавленные тела тех, кто не успел выбежать наружу. Схватился за трубку сотового так, что она хрустнула, уже думал о том, что, если Кейна не ответит, он откроет портал отсюда (это запрещено – к черту запреты) и прямо на Беркли, он отыщет ее тело на стан-

ции. Он вынесет его, он восстановит его по микронам... Он... Он найдет способ, выход...

Кейна ответила на четвертом гудке, голос глухой, но спокойный. Она шагала – он слышал это по дыханию, – шагала по улице. Вокруг гул машин, шелест деревьев, голоса прохожих. Спокойные голоса, не истеричные. От сердца в сторону отошел булыжник – «восстанавливать не придется».

– Ты не пострадала? «Беркли» затопило...

– Я... что? Нет...

– Ты спустилась туда как раз перед аварией.

Молчание на том конце. Странное, затяжное.

– Я туда не спускалась. Я решила прогуляться пешком.

Лиам дышал ровно. Он умел крутить множество процессов в голове разом, оставаться холодным, не вовлеченным в эмоции, он умел анализировать голоса, и сейчас он знал, что происходит нестыковка. Где-то. Очень ощутимая, очень грубая нестыковка. Держа собеседницу на проводе, Карра вызвал на экран запись момента «Кейна и Беркли» до злополучного спуска. Он помнил его, он видел, запомнил мужика в розовой рубашке.

Система подчинилась, мгновенно выдала требуемый отрезок записи с камер.

Кейна... Вот она приближается к станции, вот собирается спуститься по лестнице, но почему-то замирает, стоя к нему, к камерам спиной. Пребывающая в относительно спокойном состоянии до того (нервном, да, но в пределах нормы), вдруг

резко изменяется фоном, оказывается поглощена аурой пребывающего в панике человека. В крови ужас, адреналин, зашкаливающий гормон стресса. И пульс. Просто бешеный пульс, нездоровый...

– Ты меня слышишь?

– Да.

– Не клади трубку.

Где-то там она продолжала двигаться по улице. Карра без отрыва смотрел на экран.

Почему на записи она пристально рассматривает собственную руку? Почему решает вместо спуска двинуть против толпы, выбраться на поверхность и какое-то время стоять, успокаивать дыхание и нервы у фонарного столба?

Он проматывал момент «спокойная Кейна»-«паникующая Кейна» раз за разом, пока не заметил это. Шов на реальности. Заплатку. Он уже видел такие раньше, он отчетливо их помнил.

– Ты едешь домой. – Сообщил в трубку коротко, зная, что в его голосе звенит металл.

– Лиам... у меня курс...

– Ты его пропустишь. Ты пропустишь все. Прямо сейчас берешь такси и едешь домой.

У него невидимая шерсть на загривке встала дыбом от этой заплатки. И накатило удручающее предчувствие чего-то неприятного, большой – нет, не так, – БОЛЬШОЙ-БОЛЬШОЙ проблемы.

Он никогда бы не пересмотрел эту запись, если бы случайно не выбрал наблюдать за собственной женщиной в момент ее спуска в метро. Счастливая случайность. Роковая случайность. Он не выискивал бы заплатки, даже не подумал бы о том, что снова может их когда-то увидеть.

– Ты меня поняла?

– Да. – Ее голос глухой, тихий. – Еду.

– Я жду тебя дома.

Положил трубку.

Долго смотрел на экран, принимая сложное решение, после приказал системе:

– Отрывок данной записи стереть. Удалить из архивов.

– Приказ нарушает закон 2.26 об охране информационных пластов...

– Стереть!

– Требуется подтверждение кода администратора.

Карра продиктовал код – порядок из восьми цифр, изменяющихся каждые четыре часа. Он здесь начальник, он здесь глава. Он сам выбирает, какие приказы и требования системы нарушать. Он же будет за это отвечать.

– Гернадин, Кей-Тремен, замените меня.

«Будет сделано», – отозвалась рация. Заместители будут в кабинете в течение минуты. Карра принялся программировать портал.

Кейна

Я забыла, каким он бывает. Еще ни слова не было произнесено, а мне уже казалось, что светлая гостиная нашего дома напоминает камеру на СЕ.

Я любила его любим, в любых проявлениях, но именно это состояние – то, в котором Лиам пребывал сейчас, – было трудно выносить. У него были бетонные гусеницы, а моя душа слишком размякла за последние недели и этот контраст сейчас встретила натужно, болезненно.

– Итак, – он стоял спиной ко мне, лицом к окну. Хорошо, что мне не приходилось смотреть ему в глаза. – Ты спустилась в метро...

– Я не спускалась в метро.

Лиам развернулся. И я поняла, почему не хотела смотреть ему в глаза – сейчас передо мной стоял СЕ-шник. Он всегда им оставался немного, но бегунок по шкале от «Просто Лиам» до «Стопроцентного СЕ-шника» еще никогда не смещался. Сейчас он подполз к негативной отметке очень близко.

– Ты знаешь о том, что во мне встроен детектор лжи?

Я молчала.

– Да или нет?

– Да.

Он умел брать за горло на расстоянии.

– Я спрошу еще раз. Не зли меня ложью.

«Он каким-то образом увидел... Он видел меня в момент спуска...» Я же чувствовала.

– Ты спустилась в метро – я наблюдал этот момент на камерах. – Подтвердил он мои подозрения. – Спустилась полностью. А после запись показала твой «не спуск». И заплатку на реальности. Шов.

Он знал, о чем говорил. Я знала тоже. И мы оба понимали, что это могло означать только одно – присутствие Греры.

Натянутые нервы; сталь и бетон в глазах напротив. Мне некстати вспомнился Диас.

– Говори.

Это слово прозвучало почти мягко, если сравнивать с предыдущими. В него просочилась тревога и решимость решать проблемы. Еще тяжесть от того, что они возникли. И приказ.

– У меня... способность... закольцовывать время.

Я не думала, что смогу открыть рот. Понимала, однако, что открыть его придется, его нужно открыть и что-то сказать. Вопрос – что? Правду он чувствует, ложь тоже. Сможет ли определить «количество правды» сказанной и несказанной?

– Давно?

Мне казалось, в лицо бьет прожектор. Фонарь в мегаватт мощностью.

– Я обнаружила это... почти две недели назад. Подарок от Греры. Она оставила мне эту особенность, чтобы я могла защитить себя в случае опасности. Я так думаю.

Фонарь спекал. Конечно, все данные, которые Лиам сей-

час получал, должны были априори быть правдивыми, чтобы он после не тратил время на анализ дорожек, ведущих не туда. Я забыла, оказывается, какие они сложные, СЕ-шники. Восхитительные в своем умении словом продавить тебя под землю. И с лихвой наверстывала эти воспоминания теперь.

– Почему я узнаю об этом только сейчас? – очень простой вопрос. Очень вкрадчивый. И это не вопрос об умениях, оставленных Грерой, это вопрос доверия. – Ты сочла эту... «мелочь» несущественной?

Болезненно. Какой бы я ни дала ответ, будет болезненно.

– Я сочла эту «мелочь» существенной.

Я же не дура.

– Тогда...

«Почему?»

В какой-то момент приходится говорить правду, быть честным до некомфортного предела.

– Я боялась, что вы...

– Мы?

– Комиссионеры. Отнимете это у меня. Запретите использовать, сочтете опасным талантом. А это... моё.

Последнее я добавила совсем как обиженная девчонка. Беспомощная, но не желающая отдавать. «Это то, что мне от нее осталось. Моё».

Лиам был почти невыносим. Красив. И невыносим. Сейчас он пек меня на предмет правды с такой силой, что мне

казалось, мои клетки только что промыли с кислотой. Все, как комнаты. Каждую из них стерилизовали, после облили антисептиком. Выскоблили. Я проминалась под его взглядом, как жестяная банка под прессом.

– От начала. И до конца, – произнес он ровно. – С того момента, как ты шла к метро.

Мне было душно. Но от процедуры допроса не отвертеться, ее не отложить на потом, ее не избежать никакими методами. Лиам не уговорить словами, он Комиссионер. Они – другие...

– Я шла к метро. Начала спуск. Зачем-то поставила точку «А» – начало кольца...

– Почему ты это сделала?

Еще один вопрос с подоплекой. Ему не важны слова, он хотел понимать все множественные процессы моего подсознания, приведшие к тому или иному решению.

– Я... не знаю. Интуиция. Я часто ставлю начало кольца, когда перехожу дорогу. Или перед началом занятия.

– Дома?

– Иногда... дома.

Странное чувство дискомфорта, как будто я призналась в том, что подглядывала за кем-то, занимающимся онанизмом.

– Дальше.

– Я спустилась. Поезда не было, толпа прибывала. Все стояли, жались друг к другу, начинали нервничать. А потом... –

Я прервалась, накрыло вдруг то чувство из метро – ужас наполоам со слабостью, – затрещали провода, полилась вода. И тогда все побежали.

Он просто слушал. Он был на моей стороне, я должна была это чувствовать, что он на моей стороне, мне сейчас не хватало его руки, плеча. Но передо мной стоял СЕ-шник. Я знала, чьей женщиной становилась, я умела это выносить. Просто иногда это продавливало меня тоже.

– Меня толкнули... Я упала, кто-то наступил мне на руку, сломал пальцы...

Взгляд Карры был очень тяжелым. Я даже представить не пыталась, какие процессы идут сейчас в его голове, о чем он думает. Может, позже он отыщет того, кто меня толкнул, задушит его. Хотя в новой ветке реальности меня никто не толкал. Сложно предположить, Лиам непредсказуем, не тогда, когда это касается «обидчиков».

– Поэтому я смотрела на руку... После того, как активировала точку «Б». На здоровую руку...

Он складывал детали воедино. И пока не находил в моей истории изъяна – видимо, успел сканировать мои ауры на предмет эмоций и гормонов стресса, понимал теперь, почему после стыка фон изменился.

– ... У фонаря я какое-то время стояла, потому что не знала, что делать. Спускаться было нельзя... Предупреждать людей...

Бессмысленно. Но дело было даже не в бессмысленно-

сти – кого-то я бы, возможно, спасла. Но тогда бы Лиам точно спросил меня о даре «предвидения». Собственно, он уже спросил.

Мы катились по наклонной, мой собственный мир катился по наклонной.

Лиам молчал очень долго, я успела полноценно прочувствовать, как мне становится тяжело, когда он отстраняется. Сложно без той теплоты, к которой я успела привыкнуть. Обычный человеческий муж в данной ситуации утешал бы меня, держал у своего плеча, обнимал, искал бы слова поддержки. Лиам решал проблемы. Не только мои – наши, он решал сложные проблемы ежедневно и за многое отвечал.

Но его следующий вопрос поверг меня в безмолвный нокаут:

– Ты уверена, что сейчас озвучила все, что я должен услышать?

Еще раз пальцы на горле. Скажу «нет» – выдам себя. Скажу «да» – он снова уловит ложь. Менее всего я хотела его злить сейчас.

И хорошо, что запищал на его запястье браслет, на нем горел оранжевый сигнал. Оранжевый цвет для СЕ – это практически катастрофа, это чрезвычайное происшествие. Хуже только красный, а красного я никогда не видела.

«Он начальник, – думала я обреченно, понимая, что не вырвусь без счастливого случая. Хотя существовал ли он для меня? – Он должен будет отреагировать, должен туда

пойти...»

Я надеялась, что меня пронесет. Как ученика, когда в класс стучит директор. Сейчас учительница отвлечется, а после, может быть, не вспомнит, кого вызывала к доске.

Вспомнит, конечно. Без вариантов.

Но сигнал Лиама отвлек, теперь он что-то читал.

Я же окончательно раскрошилась от напора, который только что испытала. И, когда на меня снова посмотрели, тихо попросила:

– Обними меня. Пожалуйста.

Мне сейчас нужны были его руки, его поддержка. Просто ощущения его тепла. Я тоже не железная, во мне снова обнаружилась Грера, и тот, у кого я сейчас просила поддержки, приходился ей противником. Два лагеря, два фронта, и я – между.

Он обнял. Обнял, и я почувствовала то, что почувствовал он, когда узнал о трагедии, – бешеную черную ярость от бессилия. «Опоздал». Непривычный Лиаму страх и желание вернуть, во что бы то ни стало вернуть назад солнечный луч в собственную жизнь. Меня.

Он был за меня. Он всегда был за меня, просто иногда он был очень тяжелым. Наше тепло проникало сейчас друг в друга целительными волнами.

После мое лицо приподняли за подбородок.

– Ты знаешь о том, что я на твоей стороне?

«Всегда?» – мне хотелось задать именно этот вопрос.

Но я бы посеяла новые семена подозрений – Лиам слишком чуток к нюансам, он умеет анализировать.

– Да? – спросил он меня. И его это «да» в конце по обыкновению сплавило меня, как свечку.

– Да.

– Я должен вернуться на СЕ. Я там нужен.

– Конечно.

Он не добавил. Он оставил получение ответа на свой вопрос на вечер. Нет, не забыл о нем, он ни о чем никогда не забывал.

Я просто получила небольшую отсрочку. Вывернулась из объятий удава ненадолго, чтобы еще раз вдохнуть. Уже не полной грудью, конечно, – с пониманием того, что в тебе Грера, уже свободно не вдохнешь.

– Не садись сегодня в метро.

– Не сяду.

Хорошо, что он не запретил мне выходить из дома. Я не смогла бы это исполнить, мне нужно было выйти, нужно было отыскать место для общения с Грерой.

Запикали кнопки портала – Карра возвращался на СЕ.

Я его любила, я его обожала. И сегодня опять осознала, насколько подвержена хрупкости рядом с ним.

Глава 3

Уровень SE

Лиам

(FreshmanSound – Countdown)

Те двое, которых он отправил проверять Восьмой квадрат, пострадали. Их скафандры разъело, против того, что там неожиданно обрело и силу, и новые способности, не сработали даже бластеры.

Это мог быть он сам. Он сам сейчас мог лежать в изоляторе. Повреждения физических тканей незначительные, но сам факт... Никогда еще химическое соединение, основой которого являлся изотоп натрия, не был столь агрессивен. В чем причина?

– Показать структурную таблицу, – приказал Карра системе и в который раз за этот день ощутил, что мозг его раскручен на полную катушку, что сейчас в нем работают все шестерни разом. Он анализировал три процесса одновременно: пытался выяснить причину отклонения от нормы в злополучном квадрате, мысленно крутил вопрос о разрушении на Беркли и обдумывал все, что сказала ему Кейна. Точнее то, что она ему НЕ сказала. Что-то большое или маленькое однозначно осталось за кадром, он задал ей последний самый важный вопрос и пока не получил на него ответа.

– Отслеживать передвижения Кейны Карры. Вести запись

двадцать четыре часа в сутки, использовать все ракурсы, все объективы.

– Принято.

Это поможет, когда он переключит свое внимание на неё, поможет уловить мелочи, которые он упустил из вида ранее. Либо поможет обнаружить что-то новое.

И опять таблица химических структур. Глядя на неё, Лиам ощущал неприятный холодок в затылке – изотоп натрия стал дважды агрессивнее, чем был до того. Как так?

– Что явилось катализатором? – задал он вопрос центральному процессору, обладающему невероятной вычислительной мощностью. Удивился, понимая, что ответ не выходит на экран слишком долго.

«Вывод не сделан. Поиск ответа продолжается... Вывод не сделан. Поиск ответа продолжается...»

Он давно не слышал этих неопределенных фраз от системы, это наводило на тревожные мысли. Равно как и рация, исходящая сообщениями о меняющихся свойства материях.

– Разъедает фундамент дома в Первом квадрате. Повреждения несущих конструкций пока незначительные...

– Магазин в зоне 3В затянуло темным облаком. Перемещения живой субстанции нет. Ведем наблюдение.

– Пытается изменить очертания запертого региона трифрактальное излучение.

Они до сих пор предпочитали использовать здесь рации – обычный человеческий девайс. Ментальные слои слишком

истончены, к тому же многократно блокированы для передачи данных, потому как некоторые инородные соединения обладали телепатией, единым мышлением и открытый ментальный канал мог сыграть им на руку.

– Не выпускать людей из домов, – отдал Лиам приказ сразу всем. – Запретить перемещения. Пайки доставлять в казематы.

– Принято.

Шипели помехи. Люди, конечно, удобны для изучения воздействий разнообразных полей, но они не скот, не рабы, они не должны умирать без причины. Карра не был эмоционален по отношению ко всем подряд, но и палачом не являлся. Это Диас... Диас бы сейчас сочился злым восторгом – сколько новых данных они могли бы получить для анализа. К черту данные, сначала нужно устранить аномалии, вылечить пострадавших, обеспечить безопасность.

– Вывести на экран сводную таблицу структур самых опасных полей и их свойств.

Правый монитор заполнился мелкими рядами цифр, и, пробежав по ним взглядом, Лиам понял, что волнуется не зря. Более или менее агрессивными стали все вещества. Все! Какие-то всего на полпроцента, некоторые вдвое. Вдвое! Недопустимо, учитывая индекс опасности, допущенный на СЕ. Он и без увеличений был высок.

– Отыскать катализатор, влияющий на агрессию, – прорычал системе и снова услышал нейтральный женский голос:

«Поиск ответа продолжается... Вывод не сделан...»

Плохо. Что-то идет откровенно плохо, а он не в состоянии сделать быстрый вывод. Давил воротничок, Карра растянул верхнюю пуговицу. Кажется, в ближайшие дни будет не до еды и не до сна всем, кто здесь работает. Возможно, потребуется в срочном порядке расширять штат специалистов, запрашивать увеличенную мощность Луча, а это чревато. Он почти страдал, зная о том, что, если запросить мощность невовремя, можно спровоцировать новый всплеск негативной активности. Нужно отловить катализатор, уничтожить его.

«Поиск ответа продолжается...»

– Вывести на экран причины аварии на Беркли.

«Грунтовые воды», – высветил левый монитор.

Грунтовые воды? Лиам ощущал себя так, будто в его прекрасно работающий мозг, блестящий сейчас острыми лопастями, как раскрученный вентилятор, кто-то извне пытается всыпать песок.

Как можно было не отследить перемещение и изменение потоков грунтовых вод? Уровни не выстраиваются на существующем ландшафте, ландшафт формируется заранее, ход подземных потоков тоже. Существуют целые отделы, отслеживающие статистику изменений, чтобы случайные детали не приводили к катастрофам. И все же случилось то, что случилось.

– Еще поврежденные станции?

«Закрты две. Ганион 2 и Кармен-стрит. Риск затопления».

Карру давило предчувствие. Предчувствие того, что взметнувшаяся агрессия темных полей на СЕ как-то причастна к поверхности. Конечно, ни подтверждений его теории, ни доказательств пока нет, но интуиция у него еще работала. И, если она не ошиблась в этот раз (лучше бы ошиблась), в ближайшее время жертвами на Беркли все не ограничится.

«Запереть бы Кейну дома... – жесткая мысль, мысль собственника, мысль любящего человека. – Не выпускать бы пока на улицу», – но увы. Она не собачка, чтобы сидеть на привязи, хотя предупредить о положении дел он ее обязан. Предупредить и убедить держаться подальше от потенциально опасных мест.

Он был почти слаб, когда это касалось женщины с его кольцом на пальце. Почти. В тех его точках, которые она продала, эмоции брали верх над логикой – он сам это допустил. Он это принял. А теперь понимал странную штуку: любовь – это бремя. Это ответственность. Это даже в какой-то степени обуза и зависимость от другого человека. Но от неё, от любви Кейны, от собственной любви к ней, он уже никогда не откажется.

Нордейл. Уровень 14

Кейна

(Besso – Labyrinth)

Когда ты под наблюдением – а сейчас я была уверена в том, что меня в режиме реального времени сканирует Все-видящее Око СЕ, – главное правило – не выдавать себя. Вести себя привычно, адекватно, соответственно своему повседневному поведению. И тогда, может быть, удастся выиграть время.

Оно мне было сейчас очень нужно. Время.

Шагая по улице, я мысленно вопрошала Греру, где может отыскаться место, скрытое от Комиссионных камер. Общаюсь с ней продолжительное время, впадая в эмоции, испытывая стресс, очень легко выдать себя. Выражением лица, шевелящимися губами, хмурыми бровями. Фоном, в конце концов. Максимальная опасность и заключалась в возможности Комиссионеров читать людской эмоциональный фон. По крайней мере, не мысли, и на том спасибо, хотя время от времени они могли и это.

«Где?»

В моем воображении всплыл образ атласа. Его где-то нужно было достать. Грера пыталась сообщить мне о том, что знает нужные координаты. Значит, ищем атлас.

Солнечный день, хороший, спокойный. Если забыть о том, что этим утром я кое-как вытащила свою задницу целой и невредимой с Беркли, если запомнить о дискомфортном разговоре с Лиамом. Беда заключалась в том, что после одного только подобного разговора мне хотелось бы получить пару недель моральной реабилитации. Посидеть в домике у подножия гор, почитать книги, попить чай возле камина. Но двух недель не было, Грера торопила, постоянно вызывая в голове ощущение тревоги, надвигающегося урагана. А вечером Карра продолжит свой ласковый допрос, и мои бока сомнутся до самого позвоночника. Черт, я любила Лиамом таким, я выбрала его своим мужчиной, но именно сейчас понимала, что данная ситуация заставит меня не пожалеть о собственном выборе, нет, но в который раз отчетливо проявит разницу между человеком и «не человеком». Я – обычная девчонка, он – СЕ-шник. Ни с тем, ни с другим ничего не поделать. Любовь не зла, нет, но порой она беспощадна.

Черт бы подрал этот воздух, насквозь испещренный невидимыми системами наблюдения. Будто на мгновение вернулось прошлое, то самое, когда меня только выпустили на волю, а подпись Карры значилась под холодным словом «куратор».

В кафе «Зейда» я завернула. Точнее, почти прошла мимо его окон, но вдруг увидела лежащий на подоконнике атлас окрестных территорий, резко сдала назад и толкнула двери

внутри. «Зейда» оказалась не кафе, а чайной, и я никогда ранее сюда не заходила. Совершенно не мой вкус, стиль и интерьер. Множество травяных панно, развешанных по стенам, на столах букеты из сухоцветов, стойкий запах розмарина. Меня приветствовала девушка за стойкой, и я сделала вид, что мое внимание привлекла трубочка с кремом. Ведь могла я просто проголодаться, могла пожелать посидеть минутку без спешки? На курсы я уже опоздала, но на собеседование еще успевала. При желании на него попасть, конечно. Оно должно было состояться в центре, в двенадцать дня, и передышка с чашечкой чая – то, что нужно. Заодно, будто случайно, полистаю атлас.

Я уже хотела озвучить заказ, когда напрягся вибрацией в кармане сотовый. Вместе с ним напряглась и я. Но звонил не Лиам, звонил однокурсник по имени Макс – неплохой парень, местами язвительный, местами очаровательный. Как-то он спрашивал меня о том, что за странное кольцо я ношу на пальце, и не получится ли уговорить меня однажды его снять. Знал бы он того, кто находится со мной в паре...

– Да, Макс.

– Ты не пострадала? Ты же рядом с Беркли живешь, вдруг решила на метро...

– Я... Со мной все в порядке. Спасибо, что спросил.

– Просто твоя парта пустует, новости тревожные.

Новости – да. Сейчас как раз работал телевизор над стойкой, и показывали тела пострадавших. Кого-то укладыва-

ли на носилки, кого-то сразу затащивали в мешки. Накатила удушающая слабость. Не то из-за моего побледневшего вида, а может, получив втык от администратора через наушник, кассирша щелкнула пультом. Телевизор погас. Заиграла фоном ненавязчивая музыка, типичная для рекреационных зон.

– Значит, все в порядке? Я рад.

Карра наверняка слышит этот разговор. Или услышит его. Он никогда не спросит меня о некоем Максе, он умеет не ревновать без причины. Осознает, что его ревность никогда не выразится словами упреков или обиды, она сразу примет очень кровавый и очень действенный характер. Хорошо, что Лиам прекрасно контролирует собственные чувства. Макс, если не переступит черту, будет жить.

– Да. Увидимся в следующий раз.

– Дам списать тебе конспект.

Мне было не до однокурсников и не до конспектов. Но я ответила вежливо, отозвалась одним словом «хорошо» и нажала отбой. Попросила терпеливо ожидающую девушку за стойкой принести мне обычный черный чай и трубочку с кремом. Сообщила, что я сяду у окна. У того, где атлас.

«Показывай».

Она дала указку плавающей в голове цифрой «восемнадцать» – я открыла нужную страницу. «Держи праздный беспечный вид, – напоминала я себе, – вид скупающего в ожида-

нии чая человека». Легче сказать, чем сделать. Собственное расслабленное отражение в зеркале я теперь увижу нескоро. Создатель свидетель, я не желала вновь оказаться между двух огней, раздираемая противостоящими фронтами, но вышло, как вышло.

Итак, страница восемнадцать. Округ Кантани. Триста километров от Нордейла на север.

«Ты издеваешься?! – зашипела я мысленно. – Триста километров? Всерьез веришь, что я могу пойти купить билет на автобус и Лиам не спросит меня о том, куда я собралась?»

Грера молчала.

«Что там? И где именно?»

Поля, леса, судя по карте. Никаких строений.

Вдруг вспыхнули в голове точные координаты. Чтобы их не забыть, чтобы отыскать позже, я принялась записывать цифры на салфетке ручкой, найденной в сумочке. Предусмотрительно прикрыла салфетку рукой – *он видит все, он все видит...* Едва удерживаясь от того, чтобы начать водить пальцем по странице, напрягла мозг, сверяясь с сеткой широты и долготы. Наконец уперлась взглядом в конкретную точку – поле. Никаких строений. Даже не промзона, просто пустырь.

«Что там?»

Вспыхнула картинка огромной ЛЭП. Очень большой, судя по всему, гигантской.

«Она наводит помехи на камеры», – пришли объяснения

в виде ощущений.

«А на мое тело она не наведет помехи?» – я всерьез этого опасалась электромагнитных полей такого масштаба.

«Я защищу».

«Провальная идея».

Это и была провальная идея. Будь у меня обычный муж, я могла бы позвонить ему, сообщить о том, что «мы едем с сокурсниками на базу отдыха, на шашлыки. Что? Нет, ты со мной не можешь, там без вторых половинок...» Человек бы это проглотил. Обиделся бы, конечно, но настаивать, когда так конкретно отшивают, не стал бы. Лиам не человек. Если я сяду под подобной ЛЭП, уехав за триста километров от города, он откроет ко мне прямой портал, в который закинет за шкурку. И пи№ды я получу такой, что буду мечтать о домике в горах уже на целый месяц. Образно, конечно. Но разговор после мне совершенно не понравится.

«Не смешно, – почти огрызнулась я Грере. – Есть другие варианты?»

Мне принесли чай, трубочку с кремом. Глядя на неё, довольно свежую на вид, я поняла, что мне придется давиться. Есть не хотелось совершенно, чай отдавал нелюбимой мной ромашкой. Но пришлось откусить хрустящее тесто, прожевать, проглотить приторно-сладкий крем. Может, в иной момент она бы мне понравилась, но сейчас в режиме перенапряжения меня стошнило бы даже от блюда из пятизвездочного ресторана. Всего меня хватило на два укуса и два глот-

ка из прозрачной кружки. Чай был горяч, я сделала вид, что отставила его подальше, позволяя остыть.

«2».

Хорошо, страница два. Центр Нордейла. Не очень далеко от «Паратайм Филдинг», где у меня собеседование. Почти отлично.

«Восемьдесят пятый автобус», – Грера прорисовала мысленный маршрут. Сначала транспортный, после пешеходный, дальше увела линию к монументу Гонзина-Тегерта, деятелю искусств – постаменту, сплошь окруженному клумбами. Пробраться туда, сесть у скульптуры? Мой палец хотел упереться в нужное место на странице, но я вовремя вспомнила о том, что делать этого нельзя. Если Лиам наблюдает, пусть думает, что я смотрю автобусную схему проезда к центру.

Остывал чай; нагревался мой мозг.

«Хорошо, – думала я с долей обреченности. – Я сделаю вид, что отправилась на собеседование. Я даже на него схожу... После подойду к постаменту, притворюсь, что гуляю. Но почему именно это место?»

Моргнула где-то внутри меня черная перепонка глаза Греры – *почти безопасно для разговора*. Ну да, если только меня не попросят освободить территорию внутри ограждения. В конце концов, это не парк, рядом ни одной лавочки. Бизнес-район. Все скверы и прогулочные территории левее.

– Вам принести что-нибудь еще?

– Счет, – ответила я девушке и едва ли не впервые достала серую кредитную карту. Пусть пока мои расходы оплатит Комиссия. Тяжелые времена, мелкое утешение, но все же. И чаевые официантке оставляю хорошие.

Я взглянула на часы – начало двенадцатого. Если на такси, как раз успею доехать до центра к началу собеседования.

У водителя желтой машины был затылок в складку. Толстая шея, короткие, почти под ноль, редкие волосы. И пахло в салоне частой сменой пассажирских тел. Мне было наплевать на неудобства, теперь я каждую свободную минуту силилась использовать для того, чтобы наладить внутренний диалог.

Но удавалось это плохо. Та идеальная связь с Грерой, что образовалась когда-то (еще до разъединения), почти погасла. Мыслеформы шли, но читались плохо, расшифровке поддавались тяжело. И усилилось чувство, что мать-Грера осталась в гнезде на собственной планете, подселив в меня очередную часть собственного хвоста. Хвост был ее же, но нужные нейронные соединения, необходимые для сцепки понятий двух видов, он еще не образовал. Мне казалось, я сдаю тяжелый экзамен, на котором не понимаю вопросов, на котором не знаю ответов.

«Зачем ты здесь?»

«Есть причина».

Тяжелое ощущение важности этой самой причины.

«Почему не в ком-нибудь другом?»

«Нужен наш союз. Твое доверие».

Мое доверие.

Я действительно доверяла Грере, но, находясь теперь во мне, она подвергала меня огромному риску.

«Я – жена Лиама... Ты понимаешь?»

«Без выбора».

«Объясни эту самую причину».

Если простые мыслеобразы я могла ощущать хорошо, то ответ про «причину» вызывал во мне головную боль. Он рисовал некие страшные картины, напоминая про Беркли.

«Что за херня происходит... Произойдет?»

«Произойдет, – это все, что она могла ответить понятно.

Конечно, она видела наперед, в этом заключалась беда. –
Нужно доверие»

«Зачем тебе мое доверие?»

«Передай. Контроль. Над телом».

«Полный?» – у меня волосы стояли дыбом, пока машина не двигалась, сдерживаемая красным сигналом светофора.

«Полный».

«Они меня убьют. Нас».

«Без вариантов».

И муторное ощущение: «Торопись».

Осенний день больше не казался мне мирным, он казался мне декорацией, прикрывающей зловещий пейзаж. Пока я ровным счетом ничего не понимала и даже боялась понять.

Болталась на зеркале пустая бутылочка ароматизатора; потел затылок водителя.

* * *

– Кейна Карра, верно?

Потенциальный работодатель оказался человеком приятным, высоким, мужчиной средних лет. В синем пиджаке поверх белой водолазки, долговязым, довольно улыбчивым. В общем, располагающим к себе, и, будь этот день обычным, я бы порадовалась возможности стажировки здесь.

– Да. – Я сидела на стуле, прикрыв глаза. Мне было не до работодателя, но приходилось создавать видимость заинтересованности в разговоре.

– Вы желаете работать у нас?

Грера продолжала слать в мой мозг образы чего-то. Чего – я не могла понять. Некоей липкой черной дрянью, схемы химических соединений, контуры квадратов уровня СЕ. Я начинала злиться. На собственную беспомощность, неспособность ее понять – все было слишком сложно, каждый образ нагонял тоску и страх, все картинки из головы хотелось вышвырнуть, как покрытые плесенью фантики.

– Желаю, – ответила я спустя такую паузу, что мистер Бейкер, владелец довольно успешной фирмы «PrintaCo», вероятно, успел подумать, что посетительница использует кабинетный стул для сна.

– Хорошо, – директор все еще держал позитивный настрой. – Работали когда-нибудь с широкоформатной печатью? Рисовали эскизы от руки? Есть ли у вас художественное образование?

Грера выкатывала в моем сознании пласты данных, написанных не то символами родной планеты, не то Комиссионной вязью – у меня ныли виски. И грохотало на фоне предчувствие дурных перемен. Вот он, этот человек, сидящий за столом руководителя, не понимает, что времени у нас в обрез. Мирного времени, солнечного и хорошего. Ему невдомек...

Я поняла, что думаю совсем как когда-то в баре. Вокруг тогда веселился и напивался народ, а мне хотелось разнести стены притона в клочья – все эти люди тратили время собственной жизни напрасно. Это вызывало досаду, разочарование и злость. Простые, примитивные, они не понимали, что мы ходим по очень тонкой грани, что, помимо Комиссионеров, карающих нас и нас же пытающихся защитить, существует что-то еще. И об этом «чем-то» настойчиво толковала Грера.

– Не понимаю... – прошептала я, ощущая, что теряю эмоциональный контроль.

– Не понимаете? – вскинул брови Бейкер. – Эскизы масляными красками, карандашом. Мы не все создаем в дизайнерских программах, некоторые клиенты ценят уникальность паттернов картины. Желают, чтобы была вложена душа...

– Душа... – Отозвалась я эхом, понимая, что выгляжу в его глазах как наркоман, неспособный полностью распахнуть после бессонной ночи веки. Но я была занята Грерой, провальными попытками ее понять.

– Ну да. У нас много богатых и требовательных клиентов, им мы предоставляем эксклюзив. Конечно, большая часть продукции – это либо копи-принты известных творений, либо удачная раскладка на триптихи фотографий. Вы ведь занимаетесь фотографией?

– Занимаюсь.

– Отлично.

Он ждал от меня чего-то. Наверное, того, что сейчас я начну расхваливать собственные достоинства и положительные качества. Но я молчала, напрочь придавленная теми объемами неясных символов, которые вывалил на меня Хвост.

«Я не могу расшифровать».

«В твоей голове отсутствуют нужные знания. Напрямую передать не могу».

Обреченность. Желчная обреченность внутри. Я обычный человек без высшего образования, да и не помогло бы оно в данном случае. Будь я профессором химии, и то спеклась бы от взгляда на формулы, которыми поливала меня Грера. Возможно, поняла бы часть из них, но точно не все.

– Бесполезно...

Кажется, я опять прошептала это вслух. Вот почему была нужна защита от Комиссионных камер, ты прокалываешься,

когда находишься в стрессе, обессилен, утомлен.

– Простите? – Бейкер постепенно терял добродушие, понимая, что я либо неадекватна, либо не в себе. Он, по всей видимости, от души желал принять кого-то на работу, но его дружелюбие таяло от моей тотальной незаинтересованности в теме беседы.

– Вы работаете с красками?

У меня дымилась от перегруза голова.

– Вы желаете пройти стажировку?

Последняя картина, переданная Грерой мне прямо в центр восприятия, ударила, как бомба, – обезличенные тела, покрытые копотью дома, множество людей в скафандрах – Комиссионеры. Они выживут, а вот обычные люди...

– Нет, не заинтересована. – Мне было не до Бейкера, мне было не до собеседования. Я просто встала со стула и двинулась на выход – Лиам, конечно, спросит, почему так произошло. Но люди так переменчивы, так непредсказуемы, находясь во власти эмоций, что объяснение «я передумала» зачтется, как правдивое. – Я не хочу у вас стажироваться.

Я покинула кабинет, оставив изумленного человека в синем пиджаке гадать, что именно пошло не так. По коридору шагала, стараясь держать нейтральное выражение лица, ровную походку и прямую спину. Внутри меня, однако, все шаталось.

«Это можно... предотвратить?»

«Да».

«Как?»

«Передай. Контроль. Над телом».

«Он меня убьет. Или другие...»

«Тогда. Без вариантов».

Мы зашли на круг.

Глава 4. Клетка

Уровень CE

Лиам

(FreshmanSound – Incursion)

Он задал процессору высчитывать формулу такой сложности, что тот перегруппировал распределение ресурсов. И тут же задал вопрос системе:

- Какой у нас запас нейтрализатора?
- Три тысячи двести спрессованных литров.
- На сколько по времени хватит, если начнем обработку?
- Объем пространства?
- Все квадраты.
- На двадцать шесть часов.

Двадцать шесть часов – это сутки. Чуть больше. Очень и очень мало. Распыленный во всех зонах нейтрализатор временно лишит все агрессивные материи их свойств, собственно, лишит и полезных тоже. С этим они разберутся позже, главное сейчас – не дать катализатору работать, вмешаться извне. Хотя постоянно распылять нейтрализатор – все равно, что обрабатывать поверхность раны антисептиком. Эффект маленький, временный, искать нужно внутренний гнойник.

Шел расчет формулы – процессор напрягался.

- Сделать заказ на поставку еще десяти тысяч литров.

– От вас потребуется отчет.

– Будет отчет...

– Заказ формируется.

Они должны продержаться, думал Лиам, еще двое-трое суток, он вычислит причину проблемы за это время. Он сможет это сделать, он должен.

– Приказать всем отделам начать распыление.

– Есть приказать.

Равнодушный женский голос центрального процессора не бодрил; внутри головы Карры было глухо, он чувствовал себя слепым, запутанным. Сейчас бы отрешиться хотя бы на час, вернуться домой, отдохнуть в кресле. Касания Кейны помогли бы расслабиться... Можно без касаний, просто ее дыхание рядом, ее спокойный ровный пульс.

Хотя в последнее время она нервничала куда сильнее него, и причину этого он тоже пока не выяснил.

– Кейну Карру на экран.

– Запись воспроизводится.

Просто нужно убедиться, что с ней все в порядке. Началась трансляция.

(Jonas Kvarnström- Particles)

Она вышла из дома сразу после него. Кутаясь в тонкую куртку, быстро шагала по Двенадцатой, не останавливалась, о чем-то напряженно размышляла. Лиам созерцал ее лицо, ощущая, как расслабляется, несмотря на сложную ра-

бочую ситуацию. Любил эти брови, ресницы, аккуратный нос, эти губы... Он привык к ним, сросся с этой девчонкой, с ее душой. На несколько секунд успокоился, почувствовал, как опадают зажатые плечи, как отпускает шею.

Кейна. Очень хрупкая на вид, очень сильная внутри. Её невозможно было разрушить. Есть такие люди, обладающие невидимым стержнем, им можно ломать кости, им можно рвать мышцы, но этот стержень всегда вне пределов досягаемости – до неё Лиам таких не встречал.

Её все так же продолжало что-то тревожить, процент внутреннего беспокойства нарастал. Она свернула с Двенадцатой на Аллею Паммел и шла вперед, пока не наткнулась на что-то взглядом в витрине «Зейды» – на что? Он не стал тормозить запись. Толкнула двери, подошла к витрине, смотрела на десерты... А после ей позвонил некий Макс, сокурсник. Карра за секунды вычислил о нем все: место проживания, адрес, полный список данных, нарушений, личностных качеств.

«Я дам тебе списать...»

«Спасибо».

Кейна не флиртовала ни на грамм. Но Лиам уже, как прицел снайперской винтовки, навёлся на цель, положил на спусковой крючок невидимый палец. Макс отныне и впредь в центре мишени, к нему будет приклеена мушка. Пусть очень осторожно выбирает слова.

Она заказала трубочку с кремом, чай. Жевала ее с от-

вращением, чай ей не понравился тоже – он почувствовал. И слишком быстро привлек внимание Кейны дорожный атлас, вот к нему она потянулась с интересом. Пауза. Открыла его на восемнадцатой странице, через мгновение вдруг начала писать координаты места... Откуда она их взяла? И он успел их засечь в ту секунду, пока салфетка не была прикрыта ладонью полностью, нашел-таки нужный ракурс камеры, считал данные. И быстрее Кейны вычислил местоположение точки по внутренней геолокации – пустырь. ЛЭП. Одна из самых мощных ЛЭП в округе. Зачем?

Выражение недовольства на знакомом вдоль и поперек лице. Та, за кем он наблюдал, словно вела мысленный диалог. Открыла другую страницу, под номером два, и поначалу Карра решил, что она вычисляет схему проезда в центр, но нет... Пусть Кейна не использовала пальцы, он запросил систему:

– Вычислить вектор ее взгляда, проложить до точки.

Экран поставлен на паузу, от глаз Кейны прорисовалась линия, навелась на... монумент. Не на здание, в котором у нее собеседование, но на памятник. Почему?

– Есть обновленные данные о состоянии здоровья Гарденса и Ван Хольта из лазарета. Вывести?

Лиам отмахнулся от них, как от внезапно перекрывшей монитор мошки.

– Динамика положительная?

– Да.

– Выводить не нужно.

Он не отрывал взгляда от лица Кейны.

Памятник... Почему памятник?

Посетительница на записи расплатилась за недоеденную кремовую трубку и недопитый чай, вернула атлас на подоконник, покинула кафе. Поймала такси... В машине жевала губы, и тревога в ее ауре продолжала нарастать.

Памятник.

Лиам крутил в голове карту местности, пытался объединить первые координаты со вторыми – должна быть связь.

Собеседование она «просирала» совершенно осознанно, не могла заставить себя включиться в беседу. Продолжала напряженное обдумывание некой болезненной темы – её потенциальный работодатель, который работодателем не стал, проводил гостью крайне удивленным взглядом. А вот Карра заметил, что гормон стресса в Кейне вырос до критических значений.

Памятник.

Он вдруг понял, почему памятник.

Никто не знал о том, что под ним на глубине двух метров находилась очень мощная трансформаторная будка. Отсюда отсутствие лавочек, массивное ограждение, клумбы по периметру. Чтобы не допустить людей. Потому что наводились в этой зоне массивные помехи, даже металл чертова памятника приходилось обновлять раз в три месяца.

ЛЭП... И мощный трансформатор. И в том, и в другом

случае камеры Комиссии почти не работали – идеальные укрытия.

Он не хотел допускать в голову эту мысль, как мог оттягивал её появление. Отчаянно не желал приходить к выводу, к которому пришел. Но Кейна не могла знать ни о ЛЭП, ни о зарытом под землей трансформаторе. Об этом могла знать...

«Грера».

В голове Лиама от этого слова образовался вакуум. И душная темная тишина.

Только не это, думал он, не это. И не сейчас.

Теперь он был во всем уверен – закольцованное время, мысленные диалоги, попытки где-нибудь укрыться от камер... Кейна скрывала наличие в себе Хвоста.

Карре казалось, что наяву сейчас происходит его худший сценарий: СЕ кипит под воздействием агрессивной материи, что-то разъедает его. Поверхность проваливается. И снова Грера...

– Записи удалить, – приказал он глухо.

– Нарушение пункта...

Вместо споров он продиктовал код администратора – система подчинилась.

* * *

Нордейл

Кейна

Я стола на улице без мыслей, без движения. Ловила лицом солнечные лучи, и окружение казалось мне все менее настоящим. Да, пока тишина и спокойствие, хрупкий мир, такой прекрасный, такой безмятежный. Опять мечталось о домике и камине, мечталось, чтобы Лиам был рядом, а происходящее – сном. Сейчас я бы с удовольствием оказалась в ветви реальности, где на вопрос: «Ты здесь?» – не прозвучало ответа, где не разрушалась станция метро, где мне не приходилось изучать дорожный атлас.

Нужно было двигаться к памятнику, но я продолжала стоять у выхода из «Прайм Филдинг». А после зазвонил в кармане телефон. «Ответ» я нажала, не глядя на экран.

Лиам.

– Ты уже обедала?

– Нет.

– Я тоже. Хотел бы сделать это с тобой. Дома. В час дня. Да?

– Да.

Он дал отбой.

«Он знает». Грера внутри меня казалась застывшей темной массой.

– Я знаю, что он знает, – прошептала одними губами.

Лиам не просто умен. Он мог дать фору любому человеческому детективу, даже гениальному. Его мозг... То было делом не суток даже, не часов, как оказалось... Для формирования правильных выводов ему хватило нескольких минут.

Слишком мягкий голос в трубке, он не желал меня пугать.

Побег не рассматривали ни я, ни Грера. Мы обе знали, что этот барьер нам не обойти, от лазерных глаз Карры не скрыться, не сбежать. Не было смысла и пытаться.

«В час дня. Да?»

Это «да» – как мистическое заклятье. А теперь еще как проклятье. Произнося его, я давала обет, который не могла нарушить. На часах половина первого. Я возьму такси...

«Маленький шанс выжить».

«Я знаю».

«Если он убьет... Ничего не исправить».

«Значит, будем использовать маленький шанс».

Поднимая руку, чтобы привлечь внимание водителей, я казалась себе картонной.

* * *

В доме не пахло едой. Лиама на кухне не было.

Конечно, это дело минут – заказать еду через порталную камеру холодильника, но я знала: он позвал не для обеда. И он где-то ждет.

Не в спальне, не в общем холле. Он оказался стоящим у окна в непроходной дальней гостиной – комнате почти пустой. Стул по центру ее для меня – на ватных ногах я шагнула через порог. И моментально вспыхнула по периметру

помещения голубая гудящая сеть. Она не выпустит отсюда Греру, она никого уже не выпустит. Ударило под дых ощущение камеры на СЕ, вернулось на секунду прошлое. Я знала, что так будет, я была к этому почти готова.

Нет, не была.

Мне было плохо, меня подташнивало.

На стул я опустилась, готовая к худшему разговору в своей жизни.

Он молчал. Он был отчужден, он был максимально собран, сфокусирован. Он сдерживал ауру, но она все равно светила меня насквозь, она давила, не позволяла нормально дышать; Грера сжалась во мне до размера нескольких молекул.

А Лиам все молчал. В этом молчании смешались тяжесть и осуждение. Осуждение, потому что сокрытие не есть ложь, но это очень и очень близкие понятия, мы знали об этом оба. И тяжесть, потому что придется принимать взвешенные решения.

Я не могла заставить себя разлепить рот, моему пересохшему горлу теперь не помогла бы вода. Ощущение, что я состою из картона, усилилось. На мне сейчас не было ни наручников, ни ошейников, но я и без них не могла двинуться.

Он заговорил сам. Повернулся, и мне стало ясно, что бегунок по шкале «Человек – не человек» сдвинулся на критическую отметку.

– Много лет я занимался изничтожением Хвоста. Чтобы не допустить выход Греры на поверхность. Ты это понимаешь?

Его голос был негромким, нейтральным, но мне все равно казалось, что мои нервы подтачивает кислота.

– Грера, – продолжал Лиам, – наиболее опасный противник из всех. Ее интеллект превосходит «22*АС» гамма-нейрон. Навряд ли тебе это о чем-то скажет. Ее действия не можем предсказать даже мы. Выход на поверхность Хвоста чреват потенциальными разрушениями, которые мы не сможем предотвратить без человеческих жертв. А теперь выясняется, что она на поверхности. В тебе.

Я не могла смотреть ему в глаза. Глаза, рисунок радужки которых сложился в остроконечный ромб, напоминающий две скрещенные шпаги. Никогда такого раньше не видела.

– Знаешь, что хуже всего, Кейна? – каждое его слово казалось мне камнем, пытающимся проникнуть через пищевод – отвратное чувство. – Что это не просто Грера. Конкретно эта особь адаптировалась под твою энергию и адаптировалась под Комиссионную тоже. Ее почти невозможно отследить.

«Это катастрофа».

Он замолчал. Надо мной сейчас висело такое количество виртуальных ножей, что, рухни они все одновременно вниз, от меня не останется тела, даже его ошметков. Только бордовая лужа.

– Я не знала...

– О чем?

Такой простой, такой почти человеческий вопрос.

– О том, что она... во мне. До сегодняшнего утра.

Лиам лишь поджал губы. Он не был больше привычным

Лиамом, он был машиной для уничтожения инородной материи. Казалось, через кожу можно было ощутить все его вращающиеся лезвия.

– Неважно. Важно другое...

Я боялась услышать продолжение. Голубая сеть пахла озонном, она гудела и изредка потрескивала разрядами – меня тошнило от этого звука. Она ткала эффект электрического стула подо мной.

– ... я должен буду провести процедуру «разъединения».

Сплит.

Грера ощущалась во мне каменной сейчас, неживой.

– Понимаешь, – Лиам смотрел почти мягко, но мягкости в нем не было ни грамма, и ощущение того, что я на СЕ, накрыло с головой. – Раньше бы я мог просто заполнить тебя собой еще раз. Тебе было бы некомфортно, да, но терпимо. И все закончилось бы быстро. А сплит – очень болезненная процедура, я должен буду просканировать и вычистить каждую твою клетку.

– Не надо...

– Не надо – что?

– В том, что она проявилась во мне, есть какой-то смысл...

– Конечно. Она скажет тебе что угодно. Это Греры. Вы, люди, не способны противостоять ни одному импульсу их мысли. Вы слабы.

Мы слабы, да. Но мы не бесполезны, не настолько ничтожны.

– Она хочет помочь.

– Кому? – Карра приблизился, и меня сдавило окончательно, когда его лицо приблизилось к моему. – Тебе? Мне? Себе?

Некая часть внутри меня тянулась к нему, остальная не могла выносить его близкое присутствие – он почувствовал. Распрямился. Давление чуть спало.

– Она... – пока есть возможность говорить, надо говорить, – выдает мне кучу символов, объясняет причину своего «пробуждения», но я пока не могу понять.

– Она способна создать любую иллюзию. Возможно, именно в том и заключался план.

– Какой план?!

Лиам, наперед просчитавший все фатальные сценарии развития апокалипсиса с участием Греры-захватчика, лишь покачал головой.

– Я не желаю причинять тебе боль, Кейна. Поэтому я погружу тебя в искусственную кому. Когда ты проснешься, все будет кончено.

Я воочию представила себя лежащей на некой стерильной поверхности. Глаза Лиамы, вероятно, будут светиться, он

разложит меня на атомы, он каждый из них стерилизует.

– Лиам, пожалуйста...

Он все-таки был человеком, я знала. Ему было больно видеть меня такой.

– Не пытайся воздействовать на меня словами. Ты знаешь, что это невозможно.

– Послушай... Не делай этого.

Слишком маленький шанс его переубедить, но я должна подниматься с колен, даже если на спине тонны груза. Еще раз, и еще раз, и еще.

Внутри него горели все красные кнопки, все рычаги находились в положении «уничтожения».

– Она хочет помочь...

– Я очень серьезно отношусь к тебе, Кейна, – прозвучало медленно, тихо, но очень отчетливо. – К работе я отношусь серьезно тоже. Не заставляй меня выбирать.

«От моей работы зависишь не только ты. Не только я сам. От нее зависит безопасность Уровней в целом» – вот то, что читалось по его глазам. И Создатель свидетель, я понимала. Я действительно это понимала.

Но время на исходе – он принял решение. У меня несколько секунд для того, чтобы его переубедить, хотя бы попытаться сделать это.

– Она... – я начала задыхаться, – она пытается что-то сказать о некой субстанции... О том, что может предотвратить какой-то очень плохой сценарий. Помочь. О том, что нача-

лась катализация процессов. Что-то ускорилось, приняло гиперактивное состояние... Иначе бы она «не вышла».

На меня смотрел СЕ-шник. Равнодушный колосс.

– Пожалуйста, – взмолилась я на грани отчаяния, – дай мне трое суток. Нам с ней. И я выясню причину ее появления. Трое суток...

Ни тени эмоций в его глазах. Мне казалось, в зрачки светят лампы из лабораторий СЕ.

– Если нет, – почему-то было сложно дышать, говорить, – ты сделаешь то, что должен. Этот... сплит.

Больше мне нечего было добавить.

Я сдавалась. Он смотрел на меня так же, как тогда в кресле, он смотрел так, что из меня вытекали силы.

«На колени. На колени. На колени...»

Он сделает так, как считает нужным. Я должна подчиниться. Я этого не хотела, но понимала, что подчинюсь. Он был единственным, ради кого я добровольно встану на колени, он это уже проверял.

«Прости, – адресовала я Грере. – Я не могу против него пойти». Мне не хватит ни воли, ни сил. Она об этом знала.

Больше я не могла смотреть Лиаму в глаза, я смотрела на его штанины, сквозь них. Тотальная беспомощность снова, сколько раз в своей жизни я буду через нее проходить? Если он сейчас возьмет меня за плечо и поведет к стерилизационному столу, я пойду. Он сделает то, что считает правильным, и дальше случится то, что случится.

Взгляд этот все длился. Взгляд из души в душу – наверное, сейчас ему тяжело тоже. Я спеклась почти до самого основания под беспощадными лампами, я делалась все меньше.

– Сорок восемь часов, – прозвучало ровно и тихо. И первые несколько секунд до меня не доходил смысл сказанных слов. – У тебя есть сорок восемь часов.

То был первый раз, когда я встрепенулась на стуле.

И Лиам, сдерживавший внутреннюю агрессию, внутреннюю ненависть на наличие во мне Греры, сделал то, чего делать изначально не собирался – махнул рукой. Коротко, зло. Голубая сеть погасла.

Он направился к выходу, и я, пытавшаяся осознать, что опять получила отсрочку, вскочила, бросилась за ним.

– Лиам...

– Не подходи ко мне сейчас. – Он был в «боевом» режиме. Сейчас он фонил убийцей, который едва сдерживает чувство долга – «стереть, вычистить, изъять». Комиссионер СЕ в рабочем состоянии. – Не приближайся.

Я застыла как вкопанная.

Все верно, нельзя его провоцировать, он временно заковал себе руки, чтобы не совершить то, что должен.

– Лиам...

Но мне его не хватало. Вот и натянулись те самые межклеточные канаты. Я-то все еще была Кейной, его Кейной. Я была обычной девчонкой, и казалось, что последний луч тепла я получала очень давно. Конечно, сейчас не до этого, сейчас

я должна ликовать, получив ответ, который невозможно было получить от СЕ-шника, благодарить его...

Карра смотрел на меня, и взгляд его был ледяным.

– Моли Создателя, чтобы ты отыскала причину. И чтобы причина эта оказалась веской, потому что сейчас я совершаю должностное преступление.

Его могут стереть за него, стереть как личность, меня могут убить за все это – я понимала.

Хотелось что-то сказать, что-то очень важное. Что мы найдем выход, я отыщу причину, что все закончится хорошо, что все не зря. Его не проняло бы. И шаг ему навстречу делать нельзя – я играю с трансформаторной будкой.

Пришлось принять тяжесть происходящего.

– Я... уйду за край Уровня. Из нашего подвала – ты сказал, что он экранирован. Я должна, понимаешь? Должна...

– Уходи.

Наверное, это слово относилось к ответу «по существу», но оно резануло по мне лезвием очень острого ножа.

Он развернулся, он уходил. Я оставалась стоять. И мне вдруг стало насрать на Греру, на все страшные сценарии, показанные мне ранее. Накрыло чувство тотального одиночества, убивающее чувство. Холодно, тяжело, и теряются смыслы.

Пикнул вдалеке активированный Портал – Лиам ушел на СЕ.

О чем-то вещала Грера, я плевала на ее посылы.

Я стояла в полутемном коридоре, закрыв глаза, упершись лбом в обои.

Уровень СЕ

Лиам

Он не понимал, что только что сделал. *Зачем* сделал. Он, возможно, только что собственноручно нажал красную кнопку начала конца – он никогда не доверял Грерам, не доверял и сейчас.

А теперь смотрел на Кейну на экране и чувствовал боль. Свою, её. Она, всегда нерушимая, сейчас пребывала в разбитом состоянии. Будто раздался пушечный выстрел с борта корабля, будто обвалился в воду кусок скалы. В ней ни капли радости – только досада, печаль, рвущее на части одиночество.

Он не мог ее сейчас коснуться – он убил бы. Не её, но Греру в ней, у него оголены инстинкты уничтожения. Если бы они еще раз соприкоснулись аурами, вспыхнувший в нем красный сигнал перекрыл бы любые доводы.

Опустившись в рабочее кресло, Карра все еще пытался понять, почему сделал то, что сделал. Её взгляд? Она подчинилась ему опять, она приняла его, согласилась с его решениями. Из любви. И проделала очередную брешь в его извечной броне, затопив такой ненужной сейчас, такой опасной в данной ситуации нежностью.

«Грера сказала, что есть причина...»

Эта самая Грера когда-то вернула ему Кейну. Она вылечила повреждения, которые Комиссионные стационары уже не смогли бы – обожженные плазмой люди не выживают. Кейна выжила.

Может, поэтому?

Или потому, что прозвучала фраза: «Процессы катализированы»?

Что-то созвучное с тем, о чем он в последние часы так много думал.

Он мог оказаться во всем не прав. И саднило сердце, потому что Кейна продолжала стоять без движения. Его маленькая, его беззащитная Кейна. Сейчас он сделал для нее все, что мог.

Глава 5

За краем Уровня

Кейна

Не дом – полуразвалившаяся, продуваемая ветрами хиба-ра. Хлипкая, старая. Грера, ударив хвостом, перенесла меня отнюдь не в тот домик, на крыльце которого, созерцая прозрачную осень, я когда-то пила чай. Нет. Мы прибыли в иное место, стылое и холодное. Здесь всюду, насколько хватало глаз, стелились по бескрайнему побережью камни. Огромные острые булыжники, непроходимые ни для ног, ни для колес вездеходов. А дальше озеро... Синее, ледяное и глубокое. Я почему-то думала, что это именно озеро, хотя противоположного берега не было видно, и вполне возможно, моему взору открывалась кромка моря. Но какое море за краем?

На вопрос: «Почему не к уютному домику с осенью?» – Грера отозвалась сухо: «Камеры». Видимо, после того случая невидимые объективы стали испещрять нетронутое до того пространство. Невыносимо жаль. Знакомый мирный пейзаж помог бы моему не слишком бодрому духу.

Я расклеилась. Хотелось жалеть себя и плакать. Не спасало даже понимание того, что это самое бессмысленное времяпровождение, хуже не придумаешь. Его, этого самого времени, в обрез, но давило окружение. Мне не нравился холод и не нравился этот заброшенный дом с отсутствием удобств.

Казалось, его здесь поставили вовсе не для того, чтобы кто-то мог в нем жить, но для того, чтобы разнообразить пейзаж. Чрезвычайно уныло созерцать сплошные булыжники, сырые от мелкого дождя, а деревянное строение вносило в неуютную картину некий штрих. Печальный и одинокий. Ни души, ни движения, лишь мелкая рябь на озере и завывание сквозняка сквозь щели. Печь присутствовала, но изъеденная ржавчиной, с дырой на боку – я сомневалась, что ее можно будет растопить без ущерба для здоровья. Весь дым пойдет внутрь. Вместо кровати лежанка, одеяло тонкое, заплесневелое.

«Я хочу туда, где уютно!» Кажется, меня накрывала истерика. Тихая, незаметная снаружи, но шатавшая фундамент изнутри.

«Нельзя. Нужен дискомфорт».

«Почему?»

«Большой. Дискомфорт».

«Почему?»

Но застыло в голове лишь понимание: не «большой», а «максимальный» – вот тот смысл слова, который Грера хотела передать. «Максимальный дискомфорт». Как будто мало и без того страданий...

Я не могла перестать думать о Лиаме.

(Nebezao, Андрей Леницкий – Как ты там?)

Я не замечала этого раньше, того, что между нами проис-

ходило, постоянного контакта аур. Карра приходил с работы и всегда касался меня – виска, щеки, губами шеи у затылка. И зажигались зеленые огоньки ощущения «все в порядке». Он был рядом, мир стабилен, укутан защитой, любовью, благополучием. Если спокоен мой пульс, его спокоен тоже. Эти контакты-проверки случались постоянно – утром, днем, вечером. Простые касания на уровне ощущений, и не нужны слова. Просто полная стыковка, просто индикаторы в норме, незримый вопрос получал такой же незримый ответ, и мы оба знали, что плещемся друг в друге, как сверкающие ласковые волны.

Это чувство покинуло меня здесь, и не хотелось двигаться. Казалось, меня парализует на единственном деревянном стуле с подкосившейся ножкой. Индикаторы более не в порядке, между аурами встала стена, вопрос более не получает ответа. «Абонент недоступен...»

Оказывается, я любила быть под его наблюдением, хоть и дерзила по этому поводу. Лиам не был тираном, но он был защитником, он был им по рождению, по крови, по складу характера. И здесь, за краем Уровня, где камер не было, мне стало пусто без извечного взгляда. Я более не хотела куда-то идти, что-то делать, я «просела». Холодно, и атакуют малодушные мысли о его руках, о теплых губах у виска – пусть он окажется не прав, пусть не права окажусь я, лишь бы вновь произошла стыковка... Но она возможна только после «сплита».

Грера наблюдала за моими мыслями без осуждения, но тяжело, и я чувствовала ее досаду по поводу того, что бессмысленно утекает время.

Мне пришлось в который раз собраться.

Двое суток, Кейна... Продержись здесь двое суток.

«Что делать? – задала я ей вопрос. – Что делать дальше?»

«Мне нужен контроль. Начнем. Тренировки».

«Контроль над моим телом? Ты его получала раньше...

В чем разница теперь?»

«Длительный».

«Насколько длительный».

«Шестьдесят минут – минимум».

У меня нутро похолодело. Его будет сложно предоставить на длительный период, я знала это и без тренировок. Когда мутант начинает деформировать твое внутреннее пространство, управляет нейронами в мозге, управляет твоими движениями, это тошнотворно.

Черт, мне хотелось отступить. Бросить все – пусть мир спасают другие. Есть Комиссия, они умны, они способны на многое, они...

Укоризна – вот что я теперь ощущала в отражении темных глаз. И устыдилась.

«Какова причина всего этого?»

«Попытаюсь объяснить. Позже. Ты пока не можешь расшифровать».

Я думала о том, что, вероятно, нейронные связи, отвеча-

ющие за расшифровку, были самой же Грерой деактивированы после Гнезда. И теперь ей приходилось выстраивать их снова.

«Это так?»

Без задержки согнулся на правой руке палец.

«Тогда выстраивай быстрее. Если я не пойму причину, нас ждет...»

Она знала, что именно нас ждет. Она видела Лиама, видела все красные сигналы, которыми он сиял.

«Что именно я должна делать сейчас?»

«Ложись спать».

Этот совет мне очень понравился бы. Если бы рядом находилась полноценная кровать, комната была теплой, а одеяло пушистым и мягким. Но лавка не манила совершенно.

«Я не устала».

Хотя я устала, я врала. Еще только полдень, а мне казалось, я обошла пешком половину мира, мои ботинки прохудились, ребра выпирают, и сил ноль процентов.

«Давай по существу...»

«Спать».

«Зачем?»

«Я буду прорастать».

«Во мне?»

В тебе. Она не ответила, но я знала, что все именно так.

Это ужасно, когда ты спишь без сна. Когда отключено твое

тело, но сознание бдит, ощущает холод в мышцах, ощущает их тяжесть. И видит, как сквозь твои клетки тянутся нити, формируют новые связи, модифицируют ДНК. Мне чудилось, что меня оплетает инородная паутина, она сочится насквозь, она, как тончайшие лианы, изменяет меня полностью. Ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни закричать. Оплетенный черным шелком кокон – такого не было в прошлый раз. Не было столь сильной глубины слияния, возможно, она не требовалась для кратковременной передачи контроля, но требовалась для длительной. Если бы я с самого начала знала, что придется пройти через это, я бы отказалась. Я бы приучила себя верить в то, что Комиссионеры справятся сами, что они обязательно сделают это. Отвлекалась бы, сидела бы в кафе, уткнувшись в журналы, наблюдала бы мир сквозь линзы объектива. Но не лежала бы, чувствуя отращивание от инородных «прорастаний». Лучше бы я уснула, лучше бы я просто уснула...

Я действительно провалилась в сон мгновением позже.

И в том сне увидела Лиаму, который качал головой, объяснив мне, что «сплит» теперь невозможен. Что совместная жизнь невозможна. Ничего более невозможно, потому что человеком я быть перестала, и это уже необратимо.

Он ждал, когда я сниму с пальца его кольцо, он душевно страдал, он был непреклонен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.